

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
БЛАГОДАРНОСТИ	14
I. ОТ ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ К НАПОРИСТОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ ...	16
ПРОБЛЕМЫ НЕОЛИБЕРАЛИЗМА.....	26
ОТКРЫВАЯ СОЦИАЛЬНУЮ ДЕМОКРАТИЮ ЗАНОВО.....	42
ПЛАН КНИГИ	43
ЛИТЕРАТУРА	44
II. СЕГОДНЯ ВСЕ МЫ НЕОЛИБЕРАЛЫ (ОТЧАСТИ).....	47
РЫНОЧНЫЕ НЕСООТВЕТСТВИЯ.....	51
Несовершенная конкуренция	51
Неадекватная информация	53
Общественные блага.....	57
Экстерналии.....	59
ВНУТРЕННИЕ КОНФЛИКТЫ НЕОЛИБЕРАЛИЗМА.....	60
ЛИТЕРАТУРА	82
III. МАРКЕТИЗАЦИЯ И НЕСООТВЕТСТВИЯ РЫНКА	83
МАРКЕТИЗАЦИЯ И ДОВЕРИЕ	84
РЫНКИ И НРАВСТВЕННОСТЬ	91
КАРЛ ПОЛАНЬИ И ВНЕШНИЕ ЭФФЕКТЫ.....	95
РЫНКИ И УСТРАНЕНИЕ СВОЙСТВЕННЫХ ИМ НЕДОСТАТКОВ: КОМПЛЕКСНЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ.....	99
ЛИТЕРАТУРА	101
IV. КАПИТАЛИЗМ И ГОСУДАРСТВО ВСЕОБЩЕГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ.....	102
ЗАЩИТА ОТ ОПАСНОСТЕЙ РЫНКА ТРУДА... ..	106
ПРОБЛЕМА ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ	115
ПЕРЕОЦЕНКА ПРОГРАММЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ РЫНКА ТРУДА	121
ЛИТЕРАТУРА	140

V. ГОСУДАРСТВО ВСЕОБЩЕГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ И НАПОРИСТОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ	142
КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ — КООРДИНАЦИЯ И ОХВАТ	153
РАСШИРЕНИЕ ГОСУДАРСТВА ВСЕОБЩЕГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ И СОЦИАЛЬНЫХ ИНВЕСТИЦИЙ.....	157
ЛИТЕРАТУРА	163
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	165
VI. ПРОТИВОСТОЯНИЕ УГРОЗАМ И ВРАГАМ	174
УГРОЗА СО СТОРОНЫ КОРПОРАТИВНОГО БОГАТСТВА	184
ПРОБЛЕМА ЕС И США	185
ЛИТЕРАТУРА	202
VII. СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ КАК ВЫСШАЯ ФОРМА ЛИБЕРАЛИЗМА	203
ЗАЩИЩАЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ МНОГООБРАЗИЕ	215
ПРЕОДОЛЕНИЕ ВНЕШНИХ ЭФФЕКТОВ	224
ОБЩЕЕ БЛАГО.....	233
ПРИНИМАЯ ВЫЗОВ.....	240
ЛИТЕРАТУРА	243
VIII. О ПАРТИИ	244
ЧТО ДЕЛАТЬ С СОКРАЩЕНИЕМ ОСНОВНОГО ЭЛЕКТОРАТА?.....	249
ПРЕОДОЛЕНИЕ СЛАБОСТЕЙ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ	253
ВЫХОДЯ ЗА РАМКИ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА.....	257
IX. НАСКОЛЬКО РЕАЛЬНЫ ПЕРСПЕКТИВЫ?.....	261
РЫНКИ, РЕГУЛИРОВАНИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ УСЛУГИ	264
СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ	271
ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА.....	276
ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ОПТИМИЗМА	278
ЛИТЕРАТУРА	285

Посвящается Джоан

ПРЕДИСЛОВИЕ

Неравенство в доходах в США достигло той крайней точки, когда возникают опасения, что оно способно повредить развитию экономики. Схожей точки зрения придерживаются не только «прогрессисты», от которых можно было бы ожидать подобных мнений, но и Международный валютный фонд (МВФ) и Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Поразительное развитие событий, не так ли? Нет, не так, и тому есть ряд причин.

Во-первых, МВФ и ОЭСР обычно ассоциируются с экономической ортодоксией, либо безразличной к неравенству, либо даже приветствующей дифференциацию доходов. Безразличие, как правило, выражается посредством использования клише, согласно которому «вздымающаяся волна поднимает все лодки». Отсюда когда богатые все делают правильно, то экономика функционирует должным образом, от чего выигрывают все и каждый, и не имеет значения, если кто-то получает больше, чем другие. За этой благостной картиной обычно скрывается благосклонное отношение к росту неравенства, основанное на убеждении, что условиями экономического роста являются сильные стимулы к инновациям и инвестициям у предпринимателей. Поэтому, если эксперты даже таких организаций, как МВФ и ОЭСР, опасаются, что сжатие низких и средних доходов и продолжающийся рост доходов самых богатых (особенно тех, кто принадлежит к финансовому сектору) привели к ослаблению данного эффекта, можно не сомневаться, что возникла действительно чрезвычайная ситуация.

Во-вторых, несмотря на все страхи, политические и экономические элиты большинства стран развитого мира продолжают придерживаться той же неолиберальной политики, которая привела к созданию этой опасной ситуации. Может, США и являются глобальным лидером в новом неравенстве, но оно и помимо

Как сделать капитализм приемлемым для общества этого получило самое широкое распространение. Едва ли не повсеместно углубляется неравенство в доходах, государство всеобщего благосостояния уменьшается в размерах, профсоюзы утрачивают былое значение, а права наемных работников все более ограничиваются. В то же самое время все больше общественных ресурсов направляется на спасение банковской системы, деятельность которой и привела к финансовому кризису. Те, кто получают свои доходы посредством финансовых спекуляций, прекрасно защищены и становятся еще богаче, а те, кто зарабатывают, участвуя в более производительной деятельности, живут все труднее.

В-третьих, все эти события порождены отнюдь не могущественными силами, неподконтрольными человеку, но являются результатом политического выбора — и это поразительный факт. По правде говоря, в глобальной экономике имеется ряд факторов, способствующих углублению неравенства. Избежать этого совсем не просто. Тем более примечательно, что множество принимаемых в наши дни политических решений направлены не на противодействие этим тенденциям, но лишь усиливают их. Достаточно назвать произошедшие не так давно изменения в налоговом законодательстве многих стран мира, соответствующие интересам тех, кто получает более высокие доходы, тех, чьи доходы до налогообложения и без того возрастали самыми высокими темпами. Но существуют и альтернативы. И это не некие утопические возможности, а примеры из реальной жизни. Даже они сами по себе являются угрозой все еще продолжающемуся «маршу» антиэгалитарной ортодоксии.

Опасения, высказываемые представителями международных организаций, прекрасно опровергают обычные антиэгалитарные утверждения, согласно которым жалобы на неравенство вызваны в первую очередь завистью. Впрочем, можно привести и другой, в равной степени веский контраргумент. Действитель-

но, неравенство в размерах состояний отнюдь не обязательно наносит вред тем, кто не входит в ряды богатей. Но этого никак нельзя сказать о политических последствиях неравенства. Если группы состоятельных людей, преследующих определенные цели, способны преобразовать свое богатство в политическую власть (как это обычно и происходит), то они имеют возможность оказывать влияние и на рыночную экономику, и на демократию. Анализ этой и связанных с ней проблем и является одной из главных задач моей книги. Распад СССР сделал очевидным для всех, что капитализм является единственной из известных нам сложных систем, в рамках которой способна функционировать эффективная и инновационная экономика. Однако финансовый кризис 2008 г. раскрыл потенциально разрушительные последствия функционирования некоторых аспектов капитализма, его зависимость от способности государства спасти общественный строй от его собственных противоречий за счет широких слоев населения, а также привлек внимание к непрерывно углубляющемуся неравенству, которое, как представляется, соответствует интересам элит. Все это вызывает обоснованные сомнения в возможности функционирования социальных и политических механизмов, одновременно обеспечивающих достойную жизнь всем гражданам и удовлетворяющих требования капиталистов. К счастью, на протяжении всей своей истории капитализм демонстрировал гибкость и способность приспосабливаться к различным условиям, что позволяло ему функционировать в обществах нескольких различных типов. Это одна из характеристик, позволяющая говорить о превосходстве капитализма над советским коммунизмом. Но данное его преимущество может быть использовано далеко не всегда. Все зависит от соотношения сил между группами, выражающими различные социальные и политические интересы, от большего веса некоторых из них, что позволяет капиталистам (как это, по всей

Как сделать капитализм приемлемым для общества (видимости, происходит в наши дни) диктовать условия остальному обществу. Однако ситуация может сложиться так, что другие группы интересов получают возможность добиваться компромисса с капиталистами, как это было в странах Запада в середине XX столетия, в период расцвета государства всеобщего благосостояния.

В основном эти компромиссы были связаны с политической силой, известной как социал-демократия, ассоциирующейся с рабочими движениями и партиями, профсоюзами и различными группами, борющимися за права трудящихся, а если говорить более широко, то с воздействием, которое это движение (а также коммунистический строй в некоторых странах) оказывало на другие, соперничающие политические силы. Однако в наши дни сложилась довольно странная ситуация. Казалось бы, нарастающее разочарование различными аспектами капитализма позволяет социал-демократическим партиям настаивать на превосходстве исповедуемого ими подхода. Но нет, они занимают оборонительные позиции, полны пессимизма, словно сами уже стали достоянием истории. Отчасти это свидетельствует о доминирующих позициях ортодоксального неолиберализма. Отчасти же сложившееся положение обусловлено необходимостью существенных изменений в социал-демократической программе, если это движение не отказывается от своих слов о том, что оно является альтернативой, способной бросить вызов ортодоксии и изменить капитализм в соответствии с потребностями общества, убедительно представляя себя как актора или партию, использующую в своих интересах экономические изменения и инновации и не ограничивающуюся защитой от перемен. Новые шаги должны быть достаточно радикальными, но не выходящими за пределы социал-демократической традиции.

В своих предыдущих книгах «Постдемократия» и «Странная не-смерть неолиберализма» я попытался

описать проблемы, с которыми сталкивается эгалитарная демократия в связи с последними событиями в глобальной экономике, и наметить пути, встав на которые обычные люди могли бы попытаться противостоять им и с ними совладать. Многие читатели и рецензенты раскритиковали мои предложения, немного выходявшие за рамки простого участия в гражданских инициативах, потребительских движениях и честных профессиональных организациях, пытающихся противостоять экономической власти. В чем заключается моя альтернативная стратегия? Я считаю свой подход разумным, так как количество читателей, способных принять участие в решении не самых важных проблем, значительно больше, чем те один или два, которые могут извлечь из моей работы нечто вроде политической стратегии. Основное содержание большинства книг на политические темы рассчитано на руководство партий и движений, которое никогда даже не раскроет данные произведения, не говоря уже о том, чтобы прочесть их. Их авторы игнорируют необходимость разговора со своими настоящими читателями, способными совершить в общественной жизни немного больше, чем они реально делают. Но я, вслед за Антонио Грамши, полагаю, что мы должны всегда демонстрировать пессимизм разума и оптимизм воли. Ведь наивные оптимисты, терпящие одно поражение за другим, в конечном счете разочаруются в своих действиях. Те же, кто руководствуется только пессимистическими ожиданиями, в основе которых нередко лежат результаты научного изучения реальной действительности, заранее обречены на поражение, так как они даже не станут пытаться что-то изменить.

Для того чтобы облегчить чтение большинству читателей, я не стал перегружать текст библиографическими ссылками. Перечень использованных мною работ других авторов представлен в конце каждой главы.

БЛАГОДАРНОСТИ

Некоторые идеи, представленные в книге, впервые были высказаны на публичных лекциях, с которыми я выступал в 2011–2012 гг. Я благодарен всем слушателям, обратившимся с вопросами и предлагавшим свои комментарии, которые помогли мне отточить эти идеи. Очевидно, что не все слушатели полностью или хотя бы частично согласны с моими воззрениями, высказывавшимися в следующих лекциях:

- Моя прощальная лекция в Уорикском университете (2 ноября 2011 г.) называлась «Что остается в публичном пространстве приватизированного общества?». Я хотел бы поблагодарить за высказанные идеи коллег, принявших участие в последующей конференции «За пределами публичного пространства». Это Джон Беннингтон и Дороти Боуле, Вин Грант и Жан Хартли, Гульельмо Меарди и Пол Маргинсон, Гленн Морган и Андреас Раше, Ральф Роговски и Филипп Шмиттер, Вольфганг Штрек, Джонатан Триттер, Йелле Виссер и Ноэль Уайтсайд.

- Лекция из цикла, посвященного памяти Ральфа Миллибэнда, в Лондонской школе экономики и политических наук (1 марта 2012 г.) «Социал-демократия как высшая форма либерализма».

- Лекция из цикла, посвященного памяти Чезаре Альфьери, на факультете политологии Флорентийского университета (26 апреля 2012 г.) «Европа и проблема маркетизации: от Поланьи до Шарпфа».

- Ежегодная лекция в рамках проекта «Европа в фокусе внимания» Европейского института Лондонской школы экономики и политических наук (28 мая 2012 г.) «Европейская асимметрия: создание рынков и решение проблем экстерналий».

- Отдельная публикация «Социальная демократия как высшая форма либерализма», представленная на конференции «Следующее левоцентристское столетие: потерянное или новое? Американский прогрессив-

ный либерализм и европейская социал-демократия», организованной исследовательским центром Policy Network и Фондом финансирования прогрессивных европейских исследований в колледже Наффилд (прошла 3 июля 2012 г. в Оксфордском университете).

Огромную пользу с точки зрения работы над книгой мне принесло участие вместе с превосходными коллегами в проекте «Государственное управление неопределенностью и устойчивостью: противоречия и возможности» Рамочной программы 7 ЕС (контракт № 22530). Безусловно, любая информация, полученная мною в процессе работы над проектом, или сформировавшиеся у меня точки зрения принадлежат исключительно мне и не отражают воззрений моих коллег. Они тем более ни в коей мере не представляют официального мнения Европейской комиссии.

Окончательный текст книги значительно выиграл благодаря критическим отзывам о его первоначальном варианте Филиппа Шмиттера, Джона Томпсона и анонимных рецензентов издательств Polity и Passagen Verlag — хотя, конечно, они не обязательно должны считать, что я внес в текст все необходимые изменения.

Я искренне признателен моей жене Джоан за ее участие в развитии изложенных в книге идей, за наш бесконечный сорокапятилетний диалог и за то, что она нашла в первоначальном тексте множество мест, в которых автор неясно выражал мысли. Достаточно ли сделала Джоан, пусть судит каждый читатель.

I. От оборонительной политики к напористой социал-демократии

Европейская социал-демократия должна встряхнуться и отказаться от оборонительной позиции, которую она занимает все последние годы. Социал-демократы просто обязаны сделать это. Вновь на первый план выходит проблема неравенства. Власть, которой обладают крупные корпорации, создает все больше проблем для потребителей, трудящихся и граждан. Следствием пренебрежения коллективными нуждами становятся пугающие проблемы загрязнения окружающей среды. Во всех этих областях социал-демократия занимает сильные позиции, а неолиберальный капитализм наиболее уязвим. Но вот парадокс: несмотря на все сказанное выше, в большинстве стран мира социал-демократия находится в депрессивном состоянии, а неолибералы чувствуют себя триумфаторами. Если мы поймем причины столь странной ситуации, то сможем предложить изменения, которые следовало бы внести в политику социал-демократов, и помочь им перейти от обороны к активным действиям, чтобы вместе с экологическими и другими прогрессивными общественными группами создать новый политический союз, более целостный, чем простые «красно-зеленые» предвыборные объединения.

Строго говоря, действием противоположным обороне является наступление; но мы не хотим, чтобы выражение «наступательная социал-демократия» было неправильно истолковано. Обычно наступление ассоциируется с агрессией. В то же время, как нам стало известно от феминисток, там, где мужчины ведут себя агрессивно, женщины проявляют напористость. Древнегреческое слово *demokratia* — это существи-

тельное женского рода. Поэтому и сама демократия, и несколько ее «сестер»-прилагательных («социальная», «христианская», «либеральная») будут наступающей стороной, только если смогут вести себя напористо, настойчиво и никак иначе. Итак, мы будем говорить о напористой социал-демократии. Если политическое движение переходит от использования защитного механизма к настойчивому движению вперед, оно обязано найти новые, устремленные в будущее интерпретации своего исторического видения и продемонстрировать, что оно является единственной силой, способной изменить общество в целом в интересах всех и каждого из его членов.

Я использую понятие «социал-демократия» в обычном, общепринятом в наши дни смысле, для описания политических движений (видное место среди них занимают профсоюзы) и партий, рассматривающих в качестве своей исторической миссии представление интересов простых трудящихся посредством поиска возможных значительных изменений в функционировании капиталистической экономики, а также в сопровождающих ее (в соответствии с восприятием движений и партий) неравенстве и социальном ущербе. Партии могут носить различные названия — социал-демократическая, рабочая или социалистическая, но понятие «социал-демократическая» следует использовать как отличное от «социалистическая». Под социалистическими обычно понимают движения, участники которых стремятся к полной замене капиталистической экономики и рынков системой общей собственности, имея в виду механизм либо государственной, либо кооперативной собственности. Социал-демократы, напротив, воспринимают рынок и частную собственность как наилучшие средства ведения большинства видов хозяйственной деятельности. Но они довольно скептически оценивают возможность использования рынка для достижения определенных общественных целей, имеющих фундаментальное зна-

Как сделать капитализм приемлемым для общества

чение. К ним относятся, во-первых, необходимость обеспечения достойной жизни всем людям, даже тем, кто не способен быть очень успешным на рынке, а также ограничения уровня неравенства; во-вторых, необходимость предоставления людям возможности успешно управлять действиями, направленными на решение определенных общих, коллективных задач. Социал-демократами являются политически активные люди, которые для достижения этих целей стремятся ввести ограничения и сформировать рынок в основном, хотя и не исключительно, посредством использования государственной или местной власти, в особенности там, где речь идет о предоставлении общественных (государственных) услуг по праву гражданства.

Повторим вводный параграф более развернуто. Отличительной чертой современного западного общества является наличие у него колоссальных коллективных потребностей и взаимозависимостей. Изменения климата и другие экологические проблемы, многие из которых вызваны нашим образом жизни, угрожают самому этому образу жизни до тех пор, пока мы не объединимся и не найдем способы избавления от них. Экономики и общества, сложившиеся в разных странах мира, становятся все более зависимыми друг от друга, поскольку происходит глобализация обмена товарами, услугами, а также финансовых потоков. Эти взаимозависимости проявляются как конкуренция соперников разной национальной принадлежности. Но в международной торговле продолжительный успех любой группы людей в большинстве случаев означает и успех всех остальных. Сложно устроенная экономика требует передовой инфраструктуры — транспортных и коммуникационных сетей, ресурсов квалифицированного труда и общих регулятивных стандартов, — для создания которой необходимо прикладывать коллективные усилия. Западные общества, в общем, являются богатыми и не только могут позво-

лить себе решать задачи посредством коллективных усилий, но предлагают подавляющему большинству людей хорошо обеспеченную частную жизнь. В то же время в них все более углубляется неравенство, снижается склонность к производству общественных благ или покрытию коллективных рисков, а непрерывно возрастающие богатства достаются все более ограниченному меньшинству.

Казалось бы, мир достиг такого состояния, что он с готовностью должен откликнуться на предложения социал-демократии. Но нет. Как ни парадоксально, господствующая в наши дни идеология — неолиберализм — ведет публичную политику в прямо противоположном направлении: все большее внимание уделяется чисто индивидуальным потребностям, прежде всего тех, кто принадлежит к привилегированной элите, а коллективные нужды и тревоги подавляющего большинства людей оставляются без внимания. Как ни парадоксально (но никак не удивительно), непрерывно усиливающаяся взаимозависимость сопровождается растущей ксенофобией и подозрительностью по отношению к чужеземцам. В теории ксенофобия и неолиберализм несовместимы в принципе, но в современной политике они прекрасно уживаются друг с другом во многих влиятельных правоцентристских партиях или коалициях.

Разгадка этих парадоксов в том, что логика политики заключается в логике власти, а не в отсутствии противоречий между доводами. Современная логика власти включает несколько составляющих. Я подробно описал их в своих книгах «Постдемократия» и «Странная не-смерть неолиберализма». Здесь я просто суммирую приводившиеся в них аргументы. Одним из первых следствий глобализации стало расширение возможностей выбора для инвесторов капитала относительно того, где именно, в какой стране они будут осуществлять свои вложения. Трудящиеся промышленно развитых государств обнаружили, что им приходится

конкурировать за рабочие места с жителями гораздо более бедных стран, где расходы на оплату труда и социальные издержки, уровень налогообложения хозяйственной деятельности, стоимость предоставления общественных услуг значительно ниже, но имеется возможность вести производство и получать прибыль, осуществляя координацию из развитого мира.

Точно так же правительства промышленно развитых государств осознали вдруг, что их страны, рассматриваемые как места осуществления инвестиций, соперничают со странами, чьи правительства предлагают инвесторам более низкие налоговые ставки, значительную свободу ведения хозяйственной деятельности и возможность не слишком волноваться об условиях труда работников. Первоначально казалось, что развитые страны столкнулись с непреодолимой проблемой. Но нет. Для некоторых видов деятельности фирмам необходимы высококачественная инфраструктура и квалифицированная рабочая сила, которые способны предоставить только государства с сильной коллективной политикой и высоким уровнем налогообложения, что, как мы увидим несколько позже, является важным компонентом уверенной в себе, напористой социал-демократии. Через некоторое время глобализация стала означать, что по крайней мере некоторые жители беднейших стран начинают зарабатывать достаточно для того, чтобы приобретать товары и услуги, поставляемые из наиболее богатых частей света. Этот процесс начался уже довольно давно. Так, например, китайские потребители покупают немецкое производственное оборудование, английские автомобили и итальянскую обувь. Первоначальное шоковое воздействие глобализации привело к изменению расстановки сил в переговорах между международными инвесторами, с одной стороны, и национально укорененными правительствами и рабочим классом развитого мира — с другой. Оно и объясняет алогичный на первый взгляд союз неолиберализма и ксенофо-

бии: первый стремится к безграничным глобальным рынкам; если народные массы проникнуты подозрительностью и нетерпимостью, они едва ли примут транснациональные режимы, которые являются единственными институтами, способными регулировать эти рынки.

Однако параллельно с глобализацией происходило дерегулирование финансовых рынков. Как нам теперь известно, инвестиционные банкиры разработали целый ряд рискованных инвестиционных стратегий, позволивших очень узкому кругу людей приобрести невиданные богатства ценой дестабилизации глобальной экономики в целом. Следствием этого стал англо-американский финансовый кризис 2008 г. Но система нерегулируемых высокорисковых финансов сохранилась. Наша зависимость от банковской системы привела к тому, что правительства самых разных стран помогли банкам выбраться из ловушки, в которую они угодили по собственной инициативе. Во многих случаях, чтобы получить необходимые средства, государства должны были пойти на сокращение социальных расходов. Для того чтобы спасти супербогачей, пришлось взывать к бедноте. Более того, государства поощряли банки к возвращению к безответственной деятельности, но с условием, что они несколько умерят свой пыл, рассчитывая на восстановление платежеспособности. В прошлом, в пору успехов, нерегулируемая финансовая модель использовалась для демонстрации способности банков и рынков совместно решать множество мировых экономических проблем; отсюда в социал-демократическом подходе, основывающемся на регулируемых рынках и сильной социальной политике, не было *необходимости*. Если же модель потерпела неудачу, следует как можно быстрее «поставить ее на ноги», чтобы *не оставить* социал-демократическому подходу *ни единого шанса*. Орел — выигрывает неолиберализм, решка — проигрывает социал-демократия.

Кроме того, необходимо упомянуть о важнейшем изменении в современном капитализме, предшествовавшем первым двум и произошедшем в базе поддержки социал-демократии. Изначально это политическое движение опиралось на занятых физическим трудом рабочих предприятий обрабатывающей промышленности (прежде всего на мужчин), на рабочий класс. Признание его прав и обязанностей стало первым случаем в истории организованных обществ, когда множеству обычных трудящихся было позволено сыграть эту роль. Представители рабочего класса пополняли ряды сторонников политических течений, признававших ограниченность свободного рынка и требовавших предоставить трудящимся шанс на безопасную достойную жизнь. Этот класс создавал профсоюзы, кооперативные движения, а также социалистические, социал-демократические и рабочие партии. Однако начиная с 1970-х годов в странах Северной Европы, а затем и в других государствах мира развивается процесс сокращения и абсолютных, и относительных размеров рабочего класса. Непрерывное повышение производительности труда в обрабатывающей промышленности привело к снижению потребности в большом количестве промышленных рабочих; на начальных этапах глобализации происходило перемещение значительной части промышленных производств в новые развивающиеся экономики; а увеличивавшийся спрос на услуги различных типов привел к появлению нового типа рабочей силы. Важнейшей составляющей этой рабочей силы было участие в предоставлении общественных услуг: в сфере здравоохранения, образования, охраны общественного порядка и безопасности, в государственном управлении. Это обеспечило социал-демократам новую базу поддержки, поскольку они выступали за рост сферы государственных услуг. Социал-демократическим партиям удалось заручиться и поддержкой женщин, занимавших значительную часть рабочих мест, связанных с

предоставлением общественных услуг. Сфера частных услуг оказалась более устойчивой к влиянию социал-демократов, но не потому, что ее работников привлекали другие партии и политические силы. Нет, она оказалась довольно аморфной, не способной «произвести на свет» некое определенное политическое направление. Казалось бы, с этой проблемой сталкиваются все партии. Но именно социал-демократия, как сила бросающая вызов основному распределению власти в экономике, нуждается в положительной, четко определенной базе поддержки. Таким образом, общее ослабление политической идентичности оказало на социал-демократию более сильное влияние, чем на партии, представляющие группы интересов, сильными сторонами которых являются рынок и экономика сами по себе.

К началу XXI в. обе группы базовой поддержки социальной демократии были вынуждены занять оборонительную позицию. Численность рабочего класса, занятого физическим трудом, неуклонно уменьшалась, а государственные служащие (в широком смысле, включая сотрудников не только государственных органов, но и государственных организаций, учреждений, предприятий) подвергались непрерывным нападкам со стороны неолиберальных политиков и публицистов. Их выставляли паразитами, живущими за счет налогов, собираемых с трудящихся в частном секторе. Однако если попытаться представить себе деньги, расходуемые на общественные услуги, как купюры, которые с таким же успехом могли бы быть зарыты в яме (образ, часто используемый неолибералами в своей риторике), то что мы должны сказать о людях, извлекающих доход из того, что они помещают его в яму?

Основная проблема тех, кто отстаивает в демократическом обществе консервативные политические интересы, заключается в необходимости привлечь к силам, предназначенным для защиты интересов привилегированного слоя, необходимую им поддержку

большинства населения, принадлежащего к средним слоям. На протяжении большей части XIX–XX вв. задача решалась (наряду с выдвиганием националистических лозунгов) посредством указания на то, что все более многочисленные массы неимущих (трудящихся и бедноты) подходили все ближе к тому, чтобы из зависти к чужому добру устроить передел собственности нижних средних классов, как наиболее беззащитной, по сравнению с действительно богатыми людьми, группы. Однако в конце XX столетия массы неимущих «скукожились» до крошечной группы, коммунизм потерпел крах, и бывшие страхи довольно быстро рассеялись. Консервативная демонология должна была изобрести новые угрозы. Она начала преподносить государство всеобщего благосостояния в качестве механизма отъема денег у бедных и богатых работающих людей и передачи их тем, кто отказывается трудиться, прежде всего иностранцам. Последние прибывают в страну только для того, чтобы лишить рабочих мест ее коренных жителей (цель, которой иммигранты вроде бы достигли; в то же время они не желают трудиться). Еще одну угрозу представляют собой государственные служащие. Их труд неэффективен, но оплачивается слишком хорошо и является слишком хорошо защищенным. При этом государственные служащие не жалеют сил на обеспечение передачи изъятых у трудящихся денег тем, кто их никак не достоин. Если раньше социалистов и социал-демократов изображали политиканами, стремившимися лишить честных людей частной собственности, то в наши дни — теми, кто ратует за передачу государственных денежных средств лентяям и «понаехавшим» (причины такого их поведения никогда не назывались и едва ли будут объяснены).

На самом деле многие современные социал-демократические партии шли совсем по другому пути. Возникновение проблем с двумя ключевыми составляющими базы партийной поддержки — с работниками,

занятыми физическим трудом, и государственными служащими, а также с профсоюзами, действовавшими в этих секторах, — заставило задуматься не только о поисках «третьей опоры», но и о надежности первых двух. Это привело к возникновению «третьего пути» в Лейбористской партии Великобритании, Neue Mitte («нового центра») в Социал-демократической партии Германии, американских «новых демократов» и аналогичных течений в некоторых других партиях. Результатом исканий социал-демократии стало новое движение, которое стремится заручиться поддержкой избирателей из всех слоев общества и воспользоваться финансовой поддержкой корпоративных доноров в рамках общего, бесклассового проекта осуществления «прогрессивной реформы». Представители этого движения отказались от любых попыток изменения политической культуры общества; они просто стараются соответствовать тому, что, согласно данным исследований рынка, было классифицировано как существующие в культуре предвзятые мнения или ангажированность. Начиная с XIX в. в своем противостоянии глубоко укорененным, но во многих случаях некомпетентным институтам, служившим интересам тех, кто веками пользовался различными привилегиями, под лозунгом «прогрессивной реформы» объединялись либералы, а позднее и социалисты. В наши дни этот призыв приобрел интересное двойственное содержание. Имеется в виду задача перестройки сектора общественных услуг и повышения их качества (консерваторы, исходя из своей программы низких налогов, длительное время пренебрегали этой необходимостью). В то же время в равной степени сложной представляется и задача изменения в лучшую сторону стиля работы служащих, занятых организацией и предоставлением этих услуг, в особенности представляющих их интересы профессиональных союзов. Поэтому социал-демократические партии, выбравшие для себя «третий путь», перестали даже упоминать о

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru